

Дневники
матери

Издательство АСТ
Москва

УДК (100)»1939/45

ББК 63.3(0)62

К 49

Sue Klebold

A Mother's Reckoning:

Living in the Aftermath of Tragedy

Печатается с разрешения издательства Crown Publishers,
an imprint of the Crown Publishing Group, a division of Penguin Random
House LLC при содействии литературного агентства Synopsis.

Клиболд, Сью.

К 49 Дневники матери / Сью Клиболд / пер. с англ. В. Краснян-
ская. — Москва : Издательство АСТ, 2017. — 384 с.

ISBN 978-5-17-099475-5.

20 апреля 1999 года Дилан Клиболд и Эрик Харрис вошли в здание старшей школы в городе Литлтонь, Колорадо, с заряженными ружьями. В течение нескольких минут они бы убили двенадцать учеников и одного учителя, а также ранили еще двадцать четыре человека перед тем, как совершить двойное самоубийство.

Сью Клиболд — мать Дилана — написала книгу «Дневник матери» после шестнадцати лет боли и стыда, терзаясь вопросом: почему ее сын так поступил, и могла ли она что-то изменить.

Это откровенная история их с сыном пути, который она анализирует, пытаясь найти признаки зарождавшихся в сыне проблем, чтобы помочь не допустить родителям допустить ее ошибки, не закрывать глаза на происходящее, даже если это очень страшно и может ранить.

«Дневники матери» наполнены выстраданной мудростью, которая проливает свет на один из самых актуальных вопросов современности — психологические расстройства личности, которые ведут к насилию над самой и другими.

УДК (100)»1939/45

ББК 63.3(0)62

ISBN 978-5-17-099475-5.

© В. Тен, перевод

© ООО «Издательство АСТ»

Copyright © 2016 by Vention Resources Inc., PBC

Предисловие

Как вы думаете, что самое страшное для матери: смерть своего ребенка или осознание того, что твое чадо, в которое ты самозабвенно вкладываешь любовь и все свои силы, на самом деле является безжалостным монстром, способным погубить множество невинных душ?

1999 год, 20 апреля — эта дата черной меткой останется в памяти десятков людей. В этот день Эрик Харрис и Дилан Клиболд совершили массовое убийство в школе Колумбайн, а затем юноши покончили с собой.

Известно немало шокирующих случаев, когда школьники берутся за оружие и хладнокровно расправляются со своими сверстниками, учителями. Эти истории поражают своей чудовищностью, бесчеловечностью. В один момент в хрупкой, уязвимой, незащитной душе подростка разгорается пожар неконтрольной ярости и всепоглощающей ненависти, способный уничтожить все вокруг, заставив забыть о себе, о том, кем ты был, кого любил и о тех, кто любил тебя и дорожил тобой.

Признаюсь, читать данную книгу непросто, ведь перед нами настоящая исповедь матери. Матери, которая лишилась своего сына. Матери, чей ребенок унес за собой десятки жизней и поселил в семьях убитых школьников скорбь и глубокую печаль.

Сью Клиболд, автор книги, совершенно искренне и трепетно передает свои чувства, делится мыслями и событиями из жизни своей семьи. Мы узнаем, каким на самом деле был Дилан Клиболд.

Наверняка, еще не зная деталей этой истории, лишь угонив свое любопытство парой статей с кратким описанием этого происшествия, вы уже олицетворяете Дилана с кровавым, беспощадным чудовищем, которым правят гнев и безумие. Но если вы дочитаете эту книгу до конца, вас не-

избежно поразит тот факт, что «преступники», «убийцы», «террористы» — это самые обычные люди, которых просто так не отличить в толпе. А все потому, что никому до конца неизвестно, что творится на душе у того или иного человека. Даже, если вы его знаете очень-очень давно. Даже, если это ваш ребенок.

Жестокость любит маскироваться и долго-долго паразитировать, увеличиваясь в объеме и постепенно подчиняя себе человека. Трагедия в школе Колумбайн — очередное тому доказательство.

Эта история о безутешном горе и нескончаемой борьбе. Книга определенно заслуживает внимания как взрослых, так и подростков. Родители на примере Сью Клиболд могут проанализировать свои ошибки, в отношениях со своими детьми. А дети, в свою очередь, должны понять, что будет, если однажды сделать неправильный выбор. Какую боль они могут причинить близким людям и всем окружающим.

Стейс Крамер,
Автор книги «50 дней до моего самоубийства»

Всем, кто чувствует себя одинокими, лишенными надежды и отчаявшимися, даже находясь среди любящих их.

Подпись к фотографии: Фото семьи Клиболд, Рождество 1991 года (слева направо: я, Байрон, Дилан и Том). Фотография Пекари.

Неужто, Боль, с тобой мне вековать,
Делить с тобою пищу, кров, тепло?
И в голове терпеть твоё сверло?
С тобою первый голод утолять?

Эдна Сент-Винсент Миллей¹

Мы всякий раз склонны обвинять родителей во всех явных изъянах в воспитании их детей. В восемнадцатом веке теория имажинатионизма утверждала, что дети приобретают нарушения из-за невыраженных распутных желаний их матерей. В двадцатом веке считалось, что гомосексуальность является причиной появления чрезмерно контролирующих матерей и пассивных отцов; шизофрения отражала неосознанное желание родителей, чтобы их ребенок не существовал; а аутизм возникал в результате воспитания «матерями-холодильниками», чья холодность заставляла детей искать убежища в крепости тишины. Сейчас мы поняли, что такие сложные и имеющие много причин проблемы не являются следствием отношения или поведения родителей. Тем не менее, мы продолжаем считать, что, если бы только могли проникнуть в дома, где выросли убийцы, то сразу увидели бы, в чем ошибались их родители. Восприятие детей как легко поддающихся обработке стало критерием социальной справедливости. Оно заставляет нас реабилитировать малолетних правонарушителей, а не просто их наказывать. В соответствии с такой логикой плохой взрослый человек может быть неисправим, но плохой ребенок является только отражением плохого влияния, не безоговорочно испорченным, а, скорее, легко поддающимся воспитанию. В этом оптимистичном утверждении может быть доля истины, но выводить из него предположение о вине родителей – это огромная несправедливость.

---

¹ Стихотворение «Неужто, Боль, с тобой мне вековать...» цитируется по книге Миллей Э. Любовный хлеб. М.: Водолей, 2013/Пер. Редькина. М.

Есть две основные причины, из-за которых мы цепляемся за мысль о том, что преступление — это вина родителей. Во-первых, понятно, что суровое обращение и пренебрежение могут привести ранимых людей к отклоняющемуся от нормы поведению. Плохое обращение со стороны родителей может подтолкнуть таких детей к злоупотреблению запрещенными веществами, вступлению в банды, домашнему насилию и воровству. Часто у тех, с кем жестоко обращались в детстве, встречаются нарушения привязанности, а также навязчивые действия, и это приводит к тому, что они воспроизводят агрессию, которую узнали по отношению к себе. Некоторые родители наносят вред своим детям, но это не означает, что у всех проблемных детей никуда не годные родители. Так, в частности, тяжкие, лишённые здравого смысла преступления не всегда вызваны чем-либо, что сделали родители; они проистекают из нелогичности, которая так сложна, что ее причиной не могла быть травма.

Во-вторых — и это гораздо более сильный мотив, — мы хотим верить в то, что родители создают преступников, потому что, предполагая это, мы уверяем себя, что в своем собственном доме, где мы не делаем ничего плохого, нас такая беда никогда не коснется. Я знаю об этом заблуждении, потому что и сам так думал. Когда я познакомился с Томом и Сью Клиболд 19 февраля 2005 года, я воображал себе, что скоро узнаю обо всех их пороках. Я работал над книгой «Далеко от яблони» о родителях и бросающих им вызов отпрысках и думал, что эти родители станут для меня образцом того, как нельзя воспитывать детей. Я никогда не представлял себе, что они подтолкнули своего ребенка к этому акту чудовищного насилия, но считал, что в их истории будет огромное количество явно заметных ошибок. Я не хотел, чтобы Клиболды мне понравились, потому что тогда пришлось бы признать, что происшедшее не было их виной, а если это не их вина, то никто из нас не может считать, что находится в безопасности. Увы, на самом деле они мне очень понравились. Поэтому мне пришлось отказаться от мысли о том, что психопатия, лежащая в основе бойни в Колумбайн, могла за-

родиться в чьем-то доме. Такое невозможно угадать или предсказать; оно налетает, как цунами, и смеется над всеми нашими приготовлениями.

По рассказам Сью Клиболд до Колумбайн она была обыкновенной матерью из пригорода. Тогда я ее не знал, но после трагедии эта женщина нашла в себе силы быть мудрой в своем несчастье. Продолжать любить при таких обстоятельствах — это смелый поступок. Ее щедрость в дружбе, ее полная жизни любовь, ее способность быть внимательной к людям, которые я ощутил на себе, делают трагедию в Колумбайн еще более страшной. Я начал с мысли о том, что Клиболды должны были отречься от своего сына, а закончил пониманием, что нужно куда больше сил, чтобы оплакивать его преступление и не переставать любить. Чувство Сью к ее сыну видно любому, кто читает эти пропитанные горем страницы, а ее книга несет в себе сложное послание. Она утверждает, что хорошие люди совершают плохие поступки — и это нам сложно воспринять с точки зрения морали — и что ужасное деяние не уничтожает других действий и мотивов. Основной смысл этой книги ужасает: ты можешь не знать своих собственных детей, и, что еще хуже, твои дети могут оказаться для тебя совершенно неизвестными. Незнакомец, которого ты боишься, может быть твоим собственным сыном или дочерью.

«Мы читаем нашим детям сказки и учим, что на свете есть хорошие парни и плохие парни, — сказала мне Сью, когда я писал “Далеко от яблони”. — Сейчас я бы так не делала. Я бы сказала, что каждый из нас может быть хорошим, а может сделать плохой выбор. Если ты кого-то любишь, ты должен любить и хорошее, и плохое в нем». Когда произошла трагедия в Колумбайн, Сью работала в том же здании, где находилось управление по условно-досрочному освобождению, и, поднимаясь в лифте с бывшими заключенными, она чувствовала себя испуганной, ей хотелось отвернуться от них. После трагедии Сью посмотрела на этих людей по-другому: «Я чувствовала, что они в точности как мой сын. Они просто люди, которые по какой-то причине сделали ужасный выбор и оказались в страшном, безнадежном положении. Когда в но-

востях говорили о террористах, я думала “Они тоже чьи-то дети”. Колумбайн заставила меня чувствовать более тесную связь со всем человечеством, чем что-либо еще». Лишения могут дать своим жертвам способность сопереживать.

Мы принимаем близко к сердцу два вида преступлений: преступления, где жертвами являются дети, и преступления, где дети являются преступниками. В первом случае мы оплакиваем невинных; во втором — понимаем, что неверно считали всех детей невинными. Стрельба в школе — это самое пугающее преступление, потому что к нему относятся оба эти положения. Колумбайн все еще держит некую пальму первенства, остается чем-то вроде эталонного образца, до которого все остальные не дотянули. Огромное самомнение, к которому примешивается садизм, хаотичность нападения и масштаб запланированного, сделали Эрика Харриса и Дилана Клиболда героями для огромного количества юных бунтарей, не имеющих особых причин для бунта, в то время как остальные люди их проклинают как психопатов, а некоторые религиозные группы — даже как символы сатанизма. Люди, которые хотят защитить своих детей от такой угрозы, снова и снова анализируют мотивы и цели мальчиков. Даже самые неустрашимые родители задаются вопросом о том, как можно быть уверенным, что их дети не совершат подобных преступлений. «Лучше знакомый враг, чем незнакомый», — говорит народная мудрость, и Колумбайн — это, прежде всего, внезапное нападение неизвестного, ужаса, спрятанного на самом видном месте.

Было совершенно невозможно разглядеть в мальчиках убийц. Мы живем в обществе осуждения, и некоторые родственники жертв были неумолимы, требуя неких «ответов», которые «хранились в тайне». Лучшее свидетельство того, что родители ничего не знали, — это уверенность в том, что, если бы они знали, то что-нибудь предприняли бы. Судья округа Джефферсон Джон Де Вита сказал о мальчиках так: «Что больше всего ошеломляет, так это количество лжи. Легкость их лжи. Крутизна их лжи». Большинство родителей считают, что они знают своих детей лучше, чем это есть на самом де-

лам, показать им, кто здесь бог». Эрик был несостоявшимся Гитлером, Дилан — Холденом Колфилдом¹.

Сью Клиболд подчеркивает, что смерть ее сына была самоубийством. Карл Меннингер, который подробно писал о самоубийстве, сказал, что оно требует совпадения «желания убивать, желания быть убитым и желания умереть». Желание убивать не всегда выражено напрямую, но оно является необходимой частью головоломки. Эрик Харрис хотел убивать, а Дилан Клиболд хотел умереть, и вместе они считали, что в них есть божественное зерно, оба писали, что бойня сделает из них богов. Их соединение идеи величия и глупой выходки несет на себе отпечатки обычного подросткового поведения. Во время стрельбы в школе Колумбайн Хай, уже к концу бойни, один из свидетелей, прятавшихся в столовой, слышал как кто-то из убийц говорил: «Сегодня миру придет конец. Сегодня мы умрем». Это детское объединение себя со всеми остальными людьми. Г.К. Честертон писал: «Убийца убивает человека, самоубийца — человечество. Что касается его, то он уничтожает весь мир».

Защитники психически больных указывают на то, что большинство преступлений совершают люди здоровые, и на то, что большинство психически больных людей преступлений не совершают. Что означает Колумбайн, если рассматривать ее как результат деятельности здоровых умов? Люди не совершают преступлений либо потому, что знают, что из-за этого будут проблемы, либо потому, что у них есть моральные ценности. Большинство людей видели вещи, которые хотели бы украсть. Большинство людей хоть раз в жизни испытывали случайную вспышку ярости и желание убить близкого человека. Но люди не идут в школу, чтобы убить ребят, которых едва знают, и взять остальных в заложники не потому, что боятся наказания или не могут преодолеть мораль. Такая мысль просто не может прийти в голову здоровому человеку. У Дилана была де-

---

¹ Холден Колфилд — главное действующее лицо романа Джерома Д. Сэлинджера «Над пропастью во ржи», ставшее символом юношеского бунта и неконформизма. — *Прим. пер.*

прессия, но не было шизофрении, посттравматического синдрома, биполярного расстройства или каких-то других расстройств, которые отвечали бы параметрам психиатрического диагноза. Бессвязность мышления не уменьшает злобность действий Дилана. Его мать ведет себя благородно, не пытаясь в своей книге перевести вину сына на других. Сью Клиболд отказывается обвинять тех, кто издевался над Диланом, школу или его биохимическую предрасположенность к насилию. Это означает, что, в конце концов, она решила просто принять то, что никогда не удастся оправдать. Она не пытается провести нечеткую границу между злом и болезнью.

Сразу после бойни плотник из Чикаго приехал в Литтлтон и сделал пятнадцать деревянных крестов — по одному для каждой жертвы, в том числе и для Дилана и Эрика. Многие люди клали цветы к крестам нападавших, как и к крестам тех, кого они убили. Но Брайан Рорбоф, отец одного из погибших, убрал кресты Харриса и Клиболда. «Не унижайте то, что Христос сделал для нас, чувствуя убийц крестами, — сказал он. — Нигде в Библии не говорится, что надо простить нераскаявшегося убийцу. Не жалейте их, не прощайте — вот что говорит Библия». Его точка зрения на интерпретацию христианской доктрины полностью понятна, но утверждение Рорбофа основывается на ошибочном положении о том, что оплакивание смерти убийц равно их прощению и что прощение отменяет тот ужас, который они совершили. Сью Клиболд не ищет прощения для своего сына и даже не мечтает о нем. Она объясняет, что и понятия не имела о том, что что-то происходило, но этим не пытается оправдывать себя. Она воспринимает свое незнание как предательство собственного сына и всего мира. Возможно, смерть человека, который совершил ужасное преступление, во благо, но любой погибший ребенок — это крушение надежд какого-то родителя. Эта скорбная книга для Сью — покаяние и искупление. Ненависть не уничтожает любви. На самом деле эти два чувства идут рядом.

На нашей первой встрече Сью рассказала мне о том, что чувствовала 20 апреля 1999 года, когда узнала, что происходило в школе Колумбайн Хай. «В то время, как каждая мать

в Литлтоне молилась о том, чтобы ее ребенок был в безопасности, мне пришлось молиться о том, чтобы мой сын умер, не причинив вреда кому-нибудь другому, — сказала она. — Я думала о том, что если это все происходит по-настоящему, и он останется в живых, его отправят в тюрьму, а я не перенесу, если потеряю его еще раз. Я молилась как только могла, чтобы он убил себя, потому что тогда я, по крайней мере, знала бы, что он хотел умереть, и я не осталась бы со всеми своими вопросами, как в том случае, если бы его жизнь оборвала пуля полицейского. Может быть, я была права, но потом я так долго жалела об этой молитве: я пожелала, чтобы мой сын убил себя, и он сделал это».

В конце тех выходных я спросил Тома и Сью, что они хотели бы спросить у Дилана, если бы сейчас он вдруг оказался с нами в этой комнате. Том сказал: «Я бы спросил его, о чем он, черт возьми, думал и какого черта он вообще это все сделал?!» Сью несколько мгновений смотрела в пол, а потом тихо произнесла: «Я бы попросила его простить меня за то, что я была его матерью и никогда не знала, что же происходило у него внутри, за то, что не смогла ему помочь, за то, что не была тем человеком, на которого он мог положиться». Когда я напомнил ей об этом разговоре пять лет спустя, она сказала: «Когда это все произошло, я жалела о том, что у меня вообще были дети, что я вообще вышла замуж. Если бы наши с Томом пути не пересеклись где-то в Огайо, Дилана бы не было на свете, и весь этот кошмар не случился бы. Но со временем я стала чувствовать, что я рада, что у меня есть дети, и рада, что это именно мои дети, потому что любовь к ним — даже ценой такой боли — была самым величайшим счастьем в моей жизни. Когда я говорю об этом, я имею в виду мою собственную боль, а не боль других людей. Но я смогла принять свою боль; жизнь полна страдания, и такой она стала для меня. Я знаю, что для всего мира было бы лучше, если бы Дилана никогда не было на свете, но я не думаю, что мне было бы лучше без него».

Всем нам приходится переживать потери, но утрата Сью накатывалась на нее бесконечными волнами горя: вначале она потеряла самого мальчика, потом — тот образ сына, кото-

рый у нее был, затем — возможность оправдывать себя из-за того, что не знала о его темной стороне, затем — перестала осознавать себя кем-то, кроме как матерью убийцы, и, наконец, потеряла фундаментальную веру в то, что в основе жизни лежит логика, что если ты будешь поступать правильно, то сможешь избежать печальных последствий. Сравнить, кому пришлось горше, — это неблагоприятное занятие, и неправильно будет сказать, что утрата Сью Клиболд — самая тяжелая в Литлтоне. Но ей пришлось столкнуться с тем, что она не могла избавиться от боли, обнаружив, что никогда не знала своего сына. Она всегда будет страдать, понимая, какие беды другим причинил Дилан. Она борется с тоской о погибшем ребенке, с тоской о других погибших детях и с тоской из-за того, что не смогла воспитать счастливого человека, который мог бы изменить мир к лучшему.

Родители переживают головокружительные дни, когда их дети маленькие и можно решить все их небольшие проблемы. Ужасно, когда у детей начинаются проблемы, с которыми ты не можешь помочь. Такое разочарование приходилось испытывать всем, но у Сью оно взвинчено до предела. Она описывает свое естественное желание делать приятное людям и со всей ясностью заявляет, что ее книга станет отрицанием этой ее склонности. Ее книга — это дань Дилану без всякого намека на прощение и в то же время призыв к действию для исследователей и защитников психических больных. Добродетельная, решительная и обладающая чувством собственного достоинства, Сью Клиболд в беспросветном одиночестве. Больше никому не приходилось переживать такого. До какой-то степени это делает Сью такой же темной лошадкой, какой был Дилан. Описывая свой опыт, она выбирает нечто вроде непознаваемости.

Овидию приписывают известную заповедь: «Переноси и будь тверд, ибо эта боль когда-нибудь принесет тебе пользу». Но с таким горем выбора мало, у тебя нет возможности отказаться нести свой крест. Ты можешь сказать, что не рад приходу беды, но не можешь попросить ее покинуть твой дом. Сью Клиболд никогда не жаловалась на то, что стала жертвой,

но в ее рассказе слышны отголоски боли Иова, который говорит: «Неужели доброе мы будем принимать от Бога, а злого не будем принимать?»¹ И далее: «Ибо ужасное, чего я ужасался, то и постигло меня; и чего я боялся, то и пришло ко мне./ Нет мне мира, нет покоя, нет отрады: постигло несчастье»². И, наконец, «Говорю ли я, не утоляется скорбь моя». Книга Сью Клиболд рассказывает о ее напоминающем страдания Иова пути в ад, который невозможно осознать, ее прощании с ощущением безопасности. Возможно, самое большое впечатление остается от того, что книга признает: никакие слова не могут утолить горя. Женщина даже уже не пытается смягчить его. Эта книга – не очищающая исповедь, чтобы выговориться и почувствовать себя лучше. Это просто рассказ о борьбе и о принятии, об усмирении боли в надежде разделить боль других, такую же, как у нее самой, у ее сына и у его жертв.

Эндрю Соломон

---

¹ Книга Иова, 2:10 – *Прим. пер.*

² Там же, 3:25, 26